

Статистика, учет и аудит, 3(102)2026. стр. 285-298

DOI: <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2026.-3.21>

Статистика, учет и аудит

МРНТИ 06.73.15

УДК 330.564.2:330.43

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Б.Т. Нугыманов*, Л.С. Спанкулова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*Corresponding author e-mail: nugymanov_berik@live.kaznu.kz

Аннотация. Проблема бедности остается одной из актуальных задач социально-экономического развития Казахстана, требующей комплексной оценки факторов, определяющих динамику благосостояния населения. Цель исследования заключается в выявлении статистических взаимосвязей между ключевыми социально-экономическими показателями и уровнем бедности в Казахстане. Информационной базой послужили официальные статистические данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан за 2010–2024 гг. Для достижения поставленной цели построены две альтернативные модели множественной регрессии, включающие индекс реальных денежных доходов населения, инвестиции в основной капитал, инфляцию, уровень безработицы и ВВП на душу населения. Проведена диагностика мультиколлинеарности, гетероскедастичности и автокорреляции остатков, а также рассчитаны робастные стандартные ошибки. Результаты исследования выявили статистически значимую положительную связь индекса реальных денежных доходов населения с уровнем бедности в обеих моделях. В первой модели статистически значимая связь также установлена для инвестиций, во второй модели для ВВП на душу населения. Инфляция не продемонстрировала статистически значимой связи с уровнем бедности. Полученные результаты расширяют эмпирическое представление о взаимосвязях макроэкономических показателей и бедности в Казахстане и подчеркивают необходимость комплексного учета экономических и социальных факторов при разработке мер по повышению благосостояния населения.

Ключевые слова: бедность, реальные доходы населения, инвестиции, безработица, ВВП на душу населения, эконометрический анализ, множественная регрессия.

Основные положения. В исследовании построены две альтернативные модели множественной регрессии для оценки взаимосвязей между социально-экономическими факторами и уровнем бедности в Казахстане за 2010–2024 гг. Установлена статистически значимая положительная связь индекса реальных денежных доходов населения с уровнем бедности в обеих моделях. В первой модели статистически значимая связь также выявлена для инвестиций в основной капитал, во второй модели для ВВП на душу населения. Результаты исследования свидетельствуют о неоднозначном характере взаимосвязей между макроэкономическими показателями и бедностью, что подчеркивает необходимость учета особенностей распределения экономических выгод и комплексного подхода к разработке социально-экономической политики, направленной на повышение благосостояния населения.

Cite this article as: Nugymanov B.T., Spankulova L.S. Assessing the impact of socio-economic factors on poverty in Kazakhstan: an econometric analysis. *Statistics, accounting and audit*. 2026, 3(102), 285-298. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2026.-3.21>

Введение. Снижение бедности остается одной из центральных задач социально-экономической политики Казахстана, поскольку даже на фоне экономического роста сохраняется высокая чувствительность благосостояния домохозяйств к инфляции, динамике доходов и занятости. По данным Бюро национальной статистики, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составила 4,9% в I квартале 2026 г.; годовая инфляция достигла 10,4% в мае 2026 г., уровень безработицы составил 4,5% в I квартале 2026 г., индекс реальных денежных доходов 99,6% в марте 2026 г., а инвестиции в основной капитал 6 742,3 млрд тг за январь–май 2026 г. [1]. Одновременно Всемирный банк отмечает, что при росте экономики Казахстана на 5,0% в 2024 г. и 6,5% в 2025 г. сохраняются структурные ограничения – зависимость от сырьевого сектора, слабая диверсификация и стагнация производительности, которые сдерживают инклюзивность роста [2]. В повестке ПРООН для Казахстана сокращение неравенства и повышение адресности социальной поддержки также рассматриваются как ключевые условия устойчивого развития [3].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных бедности в Казахстане, большинство из них анализирует отдельные аспекты проблемы, включая доходы населения, экономический рост или региональные различия. Комплексная оценка влияния реальных доходов населения, инвестиций, инфляции, безработицы и ВВП на душу населения на уровень бедности с использованием альтернативных эконометрических моделей остается недостаточно изученной. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела. Таким образом, нулевая гипотеза (H0) формулируется следующим образом: социально-экономические факторы не оказывают статистически значимого влияния на уровень бедности в Казахстане; альтернативная гипотеза (H1): такое влияние статистически значимо.

Научная новизна исследования заключается в построении двух альтернативных моделей множественной регрессии, позволяющих оценить влияние ключевых социально-экономических факторов на уровень бедности в Казахстане при устранении проблемы мультиколлинеарности между инвестициями и ВВП на душу населения. Дополнительно проведена диагностика моделей с использованием тестов VIF, Бреуша-Пагана, Дарбина-Уотсона и робастных стандартных ошибок, позволяющая оценить статистические характеристики моделей и выявить ограничения интерпретации результатов.

Литературный обзор. Исследованию факторов, определяющих уровень бедности, посвящено значительное количество работ, однако результаты остаются неоднозначными. Большинство авторов сходятся во мнении, что бедность формируется под воздействием совокупности макроэкономических и социальных факторов, однако степень влияния каждого из них различается в зависимости от особенностей национальной экономики.

В международной литературе основное внимание уделяется влиянию экономического роста, занятости и распределения доходов на уровень бедности. Так, Asadullah и Savoia пришли к выводу, что снижение бедности определяется не только экономическим ростом, но и эффективностью государственных институтов [4]. Ata F.N., Alam S. и Saeed N. показали, что наиболее существенное влияние на распределение доходов оказывают занятость, инфляция и уровень экономического развития, при этом значимость отдельных факторов различается между странами [5].

Исследования, посвященные Казахстану, преимущественно рассматривают влияние доходов населения и экономического роста. Kudebayeva и Barrientos

установили, что экономический рост стал одним из основных факторов сокращения бедности, однако его эффект распределялся между различными группами населения неравномерно [6]. В дальнейшем Kudebayeva показала, что хроническая бедность определяется не только уровнем доходов, но и особенностями занятости и социально-экономического положения домохозяйств [7]. Региональный аспект проблемы исследован Sagindykova и соавторами, выявившими статистически значимые связи между уровнем бедности, заработной платой, валовым региональным продуктом и социальными выплатами [8]. Аналогичные результаты получила Khaustovich, подтвердившая ключевую роль денежных доходов населения в снижении бедности [9].

Вместе с тем анализ литературы показывает, что большинство исследований оценивает влияние отдельных факторов либо использует различные уровни анализа (домохозяйства, регионы или национальная экономика). Комплексная оценка влияния реальных доходов населения, инвестиций, инфляции, безработицы и ВВП на душу населения на уровень бедности в Казахстане остается недостаточно изученной. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела посредством построения альтернативных моделей множественной регрессии.

Материалы и методы. Исследование основано на количественном подходе с применением методов эконометрического анализа, направленных на выявление факторов, влияющих на уровень бедности в Казахстане. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан за период 2010–2024 гг. Использование годовых временных рядов обеспечивает сопоставимость показателей и позволяет оценить долгосрочные тенденции изменения социально-экономических процессов.

В качестве зависимой переменной использована доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (Poverty), характеризующая уровень бедности как один из ключевых индикаторов экономического неравенства (таблица 1).

Таблица 1 – Описание переменных эконометрической модели

Переменная (единица измерения)	Обозначение в модели	Обоснование включения в модель
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Poverty	Используется в качестве зависимой переменной и характеризует уровень бедности как один из основных индикаторов экономического неравенства. Снижение данного показателя свидетельствует об улучшении социально-экономического положения населения.
Индекс реальных денежных доходов населения, %, к предыдущему году	ln(RealIncome)	Отражает изменение покупательной способности населения с учетом инфляции. Рост реальных доходов способствует повышению уровня жизни и снижению доли населения, находящегося за чертой бедности.
Инвестиции в основной капитал, млрд тенге	ln(Investment)	Характеризуют инвестиционную активность и расширение производственного потенциала экономики. Рост инвестиций способствует созданию новых рабочих мест, увеличению доходов населения и снижению уровня бедности.
Валовой внутренний продукт на душу населения, тыс. тенге на человека	ln(GDPpc)	Отражает уровень экономического развития страны и благосостояния населения. Увеличение ВВП на душу населения способствует снижению уровня бедности.

продолжение таблицы 1

Годовой темп прироста потребительских цен, %, декабрь к декабрю предыдущего года	Inflation	Характеризует изменение общего уровня цен в экономике. Рост инфляции снижает покупательную способность населения, что может способствовать увеличению уровня бедности.
Уровень безработицы, %	Unemployment	Отражает состояние рынка труда. Увеличение уровня безработицы сопровождается сокращением доходов населения и ростом риска бедности.
Примечание: составлено авторами		

Первая модель включает инвестиции в основной капитал в качестве фактора экономического роста:

$$Poverty_t = \beta_0 + \beta_1 \ln RealIncome_t + \beta_2 \ln(Investment_t) + \beta_3 Inflation_t + \beta_4 Unemployment_t + \varepsilon_t \quad (1)$$

Во второй модели вместо инвестиций используется показатель ВВП на душу населения:

$$Poverty_t = \beta_0 + \beta_1 \ln RealIncome_t + \beta_2 \ln(GDPpc_t) + \beta_3 Inflation_t + \beta_4 Unemployment_t + \varepsilon_t \quad (2)$$

Таким образом, модель 1 предназначена для оценки влияния инвестиционной активности на уровень бедности. Модель 2 предназначена для оценки влияния общего уровня экономического развития на уровень бедности и проверки устойчивости результатов при использовании альтернативного показателя экономического развития.

В целях обеспечения корректной спецификации эконометрических моделей применено логарифмическое преобразование отдельных объясняющих переменных. В частности, натуральное логарифмирование использовано для индекса реальных денежных доходов населения (*RealIncome*), инвестиций в основной капитал (*Investment*) и ВВП на душу населения (*GDPpc*). Зависимая переменная, характеризующая долю населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (*Poverty*), а также показатели инфляции (*Inflation*) и безработицы (*Unemployment*) сохранены в исходных единицах измерения. Таким образом, построенные регрессионные модели имеют полулогарифмическую спецификацию, позволяющую оценивать изменение уровня бедности в процентных пунктах при относительном изменении логарифмированных объясняющих переменных при прочих равных условиях. В первой модели в качестве показателя экономической активности используются инвестиции в основной капитал, во второй модели ВВП на душу населения. Методологический алгоритм исследования представлен на рисунке 1. Он отражает последовательность выполнения исследования, начиная со сбора и подготовки статистических данных и заканчивая оценкой качества эконометрических моделей и интерпретацией полученных результатов.

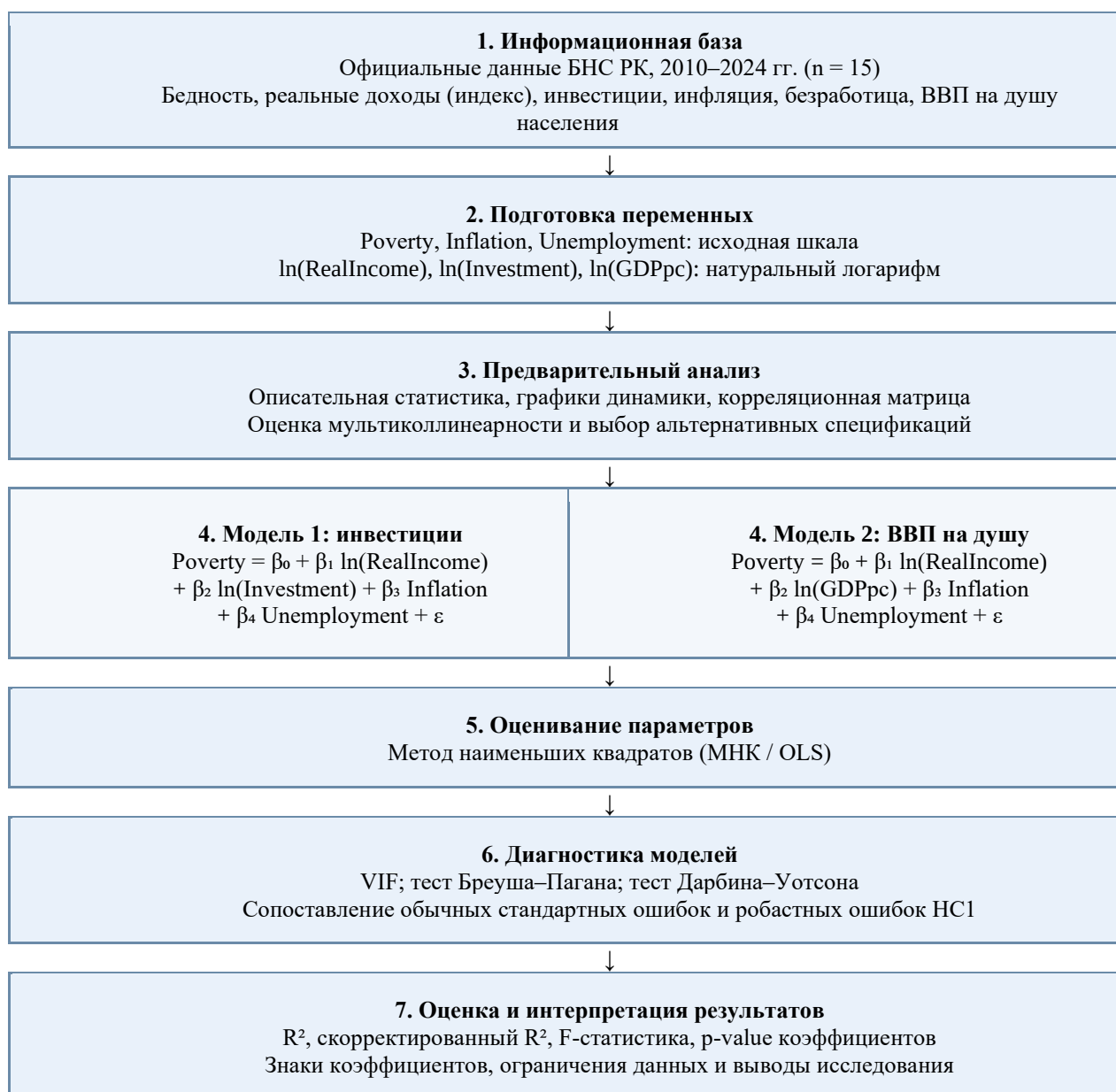

Рисунок 1 – Методологическая схема исследования

Примечание: составлено авторами на основе методологии исследования

Все расчеты выполнены в Excel и программной среде RStudio с использованием специализированных пакетов для эконометрического анализа и визуализации данных.

Результаты и обсуждение. Для оценки влияния социально-экономических факторов на уровень бедности в Казахстане проведен комплексный эконометрический анализ. В таблице 2 представлены результаты описательной статистики исследуемых переменных. Анализ данных позволяет оценить диапазон изменения показателей, степень их вариации и сформировать общее представление о структуре исследуемой выборки перед проведением корреляционного и регрессионного анализа.

Таблица 2 – Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Мин.	Макс.	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации, %
Poverty	4,26	4,3	2,5	6,5	1,283	30,11
RealIncome	103,908	104	99,255	108,676	2,594	2,5
Investment	10199,242	8770,572	4653,528	19461,333	4744,1	46,51
Inflation	8,527	7,5	4,8	20,3	3,897	45,7
Unemployment	4,953	4,9	3,6	5,8	0,47	9,5
GDPpc	3378,325	3014,98	1336,59	6780,89	1632,931	48,34

Примечания: 1) Составлено и рассчитано авторами с помощью RStudio; 2) Описательная статистика рассчитана для показателей в исходных единицах измерения; 3) Логарифмическое преобразование отдельных переменных применено на этапе регрессионного анализа

На основе представленных статистических характеристик можно сделать вывод о различной интенсивности изменения исследуемых показателей в рассматриваемом периоде. Более детальное представление об их временной динамике позволяет получить анализ графиков, представленных на рисунке 2.

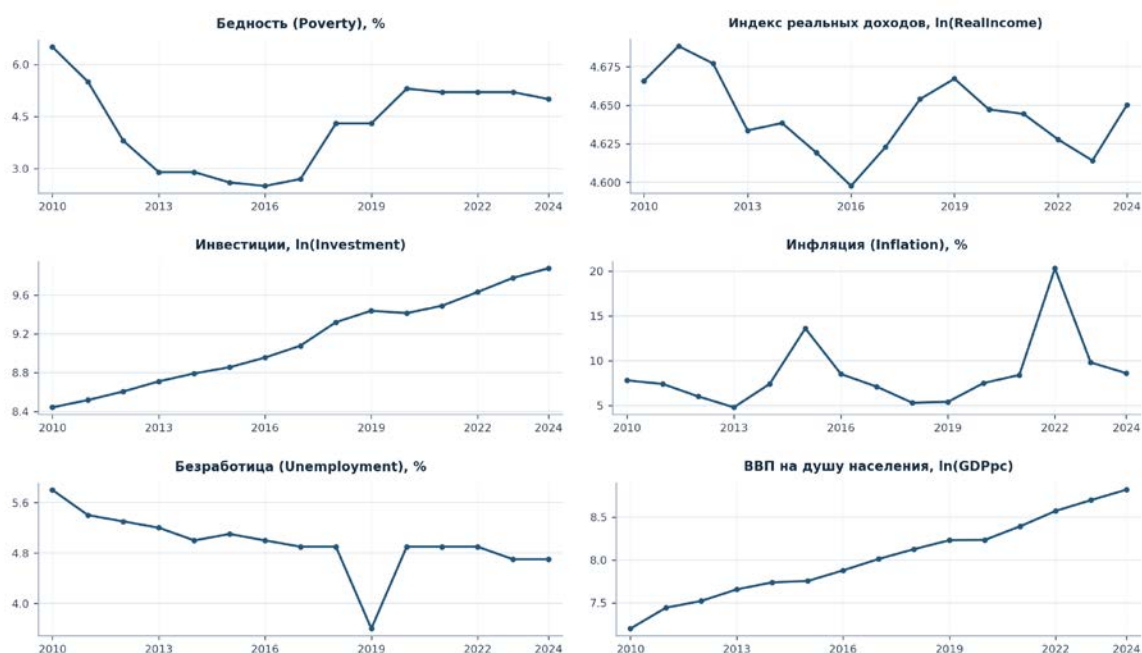

Рисунок 2 – Динамика исследуемых социально-экономических показателей в Казахстане за 2010–2024 гг.

Примечание: составлено авторами по данным БНС РК с использованием RStudio

Как следует из таблицы 2 и рисунка 2, наибольшей вариацией характеризуются показатели ВВП на душу населения, инвестиций и инфляции, что отражает существенные изменения макроэкономической ситуации в Казахстане в течение исследуемого периода. В то же время реальные доходы населения и уровень

безработицы отличаются относительно низкой изменчивостью, свидетельствуя об их большей стабильности. Уровень бедности демонстрирует умеренную вариацию, что указывает на постепенный характер его изменения под воздействием комплекса социально-экономических факторов.

На следующем этапе исследования проведен корреляционный анализ для оценки силы и направления взаимосвязей между уровнем бедности и исследуемыми социально-экономическими показателями. Результаты для двух моделей представлены на рисунке 3.

Модель 1. Инвестиции в основной капитал

Показатель	Бедность	Реальные доходы	Инвестиции	Инфляция	Безработица
Уровень бедности	1,00	0,52	0,25	0,14	0,12
Реальные доходы	0,52	1,00	-0,31	-0,39	0,10
Инвестиции	0,25	-0,31	1,00	0,31	-0,66
Инфляция	0,14	-0,39	0,31	1,00	0,05
Безработица	0,12	0,10	-0,66	0,05	1,00

Модель 2. ВВП на душу населения

Показатель	Бедность	Реальные доходы	ВВП на душу	Инфляция	Безработица
Уровень бедности	1,00	0,52	0,18	0,14	0,12
Реальные доходы	0,52	1,00	-0,35	-0,39	0,10
ВВП на душу	0,18	-0,35	1,00	0,34	-0,63
Инфляция	0,14	-0,39	0,34	1,00	0,05
Безработица	0,12	0,10	-0,63	0,05	1,00

Рисунок 3 – Тепловая карта корреляционной матрицы исследуемых показателей для моделей 1 и 2

Примечание: составлено авторами по данным БНС РК с использованием RStudio

Как видно из рисунка 3, между исследуемыми показателями наблюдается различная теснота корреляционной связи. Наиболее сильная отрицательная взаимосвязь выявлена между инвестициями и уровнем безработицы ($r = -0,66$), а также между ВВП на душу населения и безработицей ($r = -0,63$), что свидетельствует о снижении уровня безработицы по мере роста инвестиционной активности и экономического развития страны. Умеренная положительная связь между уровнем бедности и реальными доходами населения ($r = 0,52$) указывает на наличие статистической взаимосвязи между данными показателями в исследуемом периоде. Следует отметить, что выявленная корреляционная связь отражает совместную динамику временных рядов и не свидетельствует о наличии причинно-следственной зависимости между переменными. Остальные коэффициенты корреляции характеризуются слабой степенью связи ($|r| < 0,4$), что свидетельствует об отсутствии

выраженной линейной зависимости между большинством исследуемых социально-экономических показателей.

Для количественной оценки влияния социально-экономических показателей на уровень бедности выполнен множественный регрессионный анализ. Результаты оценки моделей представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты оценки двух моделей множественной регрессии

Переменные	Модель 1	Модель 2
Зависимая переменная	Poverty	Poverty
ln(RealIncome)	39,454*** (8,483)	40,433*** (8,864)
ln(Investment)	2,216** (0,705)	—
ln(GDPpc)	—	1,881** (0,757)
Inflation	0,050 (0,037)	0,058 (0,042)
Unemployment	1,548* (0,772)	1,295* (0,712)
Constant	-207,264*** (40,451)	-205,477*** (41,876)
Количество наблюдений	15	15
R ²	0,689	0,619
Скорректированный R ²	0,565	0,466
Стандартная ошибка регрессии	0,846	0,937
F-статистика МНК	5,542	4,058
p-value F-критерия МНК	0,0129	0,033
Примечания: 1) В скобках представлены робастные стандартные ошибки коэффициентов, рассчитанные методом НС1; 2) Уровни статистической значимости определены на основании робастных стандартных ошибок: *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,10; 3) Показатели R ² , скорректированного R ² , стандартной ошибки регрессии и F-статистики приведены по результатам метода наименьших квадратов (МНК); 4) Составлено авторами по результатам расчетов в RStudio.		

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о наличии статистических взаимосвязей между социально-экономическими показателями и уровнем бедности в Казахстане, однако характер выявленных зависимостей оказался неоднозначным. Обе модели продемонстрировали статистическую значимость в целом согласно стандартному F-критерию МНК ($p < 0,05$). Коэффициент детерминации первой модели составил 0,689, что указывает на объяснение 68,9% вариации уровня бедности включенными в модель факторами в пределах исследуемой выборки. Во второй модели данный показатель составил 0,619. Различия в объясняющей способности моделей свидетельствуют о чувствительности результатов к выбору показателя экономической активности, однако сами по себе не позволяют сделать вывод о преимуществе одного экономического фактора над другим.

Наиболее примечательным результатом исследования стала положительная статистически значимая связь между индексом реальных денежных доходов населения и уровнем бедности, сохраняющаяся в обеих спецификациях ($\beta = 39,454$ и $\beta = 40,433$; $p < 0,01$). На первый взгляд полученный результат противоречит общепринятому представлению о том, что повышение доходов населения должно способствовать сокращению бедности. Однако, по мнению авторов, данное противоречие необходимо рассматривать с учетом особенностей используемого показателя и характера распределения экономических выгод. В исследовании применяется индекс реальных

денежных доходов, отражающий их годовое изменение, а не абсолютный уровень доходов населения. Следовательно, увеличение данного индекса не обязательно сопровождается пропорциональным улучшением материального положения наименее обеспеченных домохозяйств.

В этом контексте представляют интерес результаты Kudebayeva и Barrientos [6], которые показали, что экономический рост и сокращение бедности в Казахстане сопровождались неравномерным распределением выгод между различными группами населения. Исследование Kudebayeva [7] также подчеркивает значение устойчивости экономического положения домохозяйств для преодоления хронической бедности. Полученные нами результаты не опровергают выводы указанных авторов, но позволяют предположить, что динамика агрегированных показателей доходов не всегда отражает изменения благосостояния социально уязвимых групп. Вместе с тем проверить данное предположение в рамках построенных моделей невозможно без включения дополнительных характеристик распределения доходов.

В первой модели положительная статистически значимая связь выявлена также между инвестициями в основной капитал и уровнем бедности ($\beta = 2,216$; $p < 0,05$). С экономической точки зрения инвестиционная активность рассматривается как один из механизмов расширения производства, создания рабочих мест и повышения доходов населения. Однако результаты проведенного анализа не подтверждают ожидаемого отрицательного направления связи между инвестициями и бедностью. На наш взгляд, одним из возможных объяснений может выступать неоднородность структуры инвестиционных вложений. Увеличение совокупного объема инвестиций не обязательно сопровождается непосредственным расширением занятости и повышением доходов малообеспеченных домохозяйств. Результативность инвестиций с точки зрения сокращения бедности потенциально зависит от их отраслевого распределения, трудоемкости создаваемых производств и доступности новых экономических возможностей для населения. Вместе с тем данные механизмы в настоящем исследовании непосредственно не оценивались и требуют самостоятельной эмпирической проверки.

Во второй модели статистически значимый положительный коэффициент получен для ВВП на душу населения ($\beta = 1,881$; $p < 0,05$). Данный результат также не соответствует ожидаемой обратной зависимости между экономическим развитием и бедностью. Вместе с тем он позволяет обратить внимание на различие между увеличением агрегированных экономических показателей и повышением благосостояния населения. Подобная постановка вопроса согласуется с исследовательским подходом Asadullah и Savoia [4], подчеркивающих роль институциональных факторов в процессах сокращения бедности. По мнению авторов, экономический рост следует рассматривать как потенциальную предпосылку повышения благосостояния, эффективность которой зависит от механизмов распределения создаваемых доходов и условий участия населения в экономической деятельности. При этом положительный коэффициент в рассматриваемой модели характеризует условную статистическую связь и не является доказательством того, что увеличение ВВП вызывает рост бедности.

Отдельного внимания заслуживают результаты оценки безработицы. В первой модели коэффициент данного показателя составил 1,548 ($p = 0,073$), во второй модели 1,295 ($p = 0,099$). После применения робастных стандартных ошибок HC1 статистическая значимость обоих коэффициентов подтверждается только на уровне 10%. Положительное направление связи соответствует экономическому

предположению о том, что ограниченные возможности трудоустройства могут повышать риск бедности. Вместе с тем сравнительно низкая статистическая устойчивость полученных оценок не позволяет рассматривать безработицу как безусловно подтвержденный фактор изменения уровня бедности. Данный результат целесообразно сопоставить с выводами Sagindykova и соавторов [8], рассматривающих взаимосвязи между показателями рынка труда, экономическим развитием и бедностью на региональном уровне Казахстана. Различия в уровне агрегирования данных и составе объясняющих переменных могут иметь значение для получаемых оценок.

Инфляция в обеих моделях не продемонстрировала статистически значимой связи с уровнем бедности. Однако отсутствие статистической значимости не следует интерпретировать как отсутствие воздействия изменения потребительских цен на благосостояние населения. Можно предположить, что последствия инфляции различаются в зависимости от структуры потребительских расходов, динамики заработной платы и механизмов социальной поддержки. В частности, домохозяйства с низкими доходами могут быть более чувствительны к увеличению стоимости товаров первой необходимости. Вместе с тем имеющаяся информационная база не позволяет количественно оценить указанные различия.

Таким образом, проведенный анализ выявил статистически значимые связи между отдельными социально-экономическими показателями и уровнем бедности в Казахстане, однако их направление не во всех случаях соответствует первоначальным теоретическим ожиданиям. Наиболее устойчивым с точки зрения статистической значимости оказался индекс реальных денежных доходов населения, тогда как результаты оценки инвестиций, ВВП на душу населения и безработицы зависят от используемой спецификации модели. Стандартные F-тесты позволяют отвергнуть нулевую гипотезу о совместном равенстве нулю коэффициентов объясняющих переменных в рамках оцененных моделей, но не подтверждают причинно-следственный характер выявленных зависимостей.

По мнению авторов, полученные результаты свидетельствуют прежде всего о необходимости более детального изучения механизмов трансформации экономического роста и инвестиционной активности в повышение благосостояния населения. При этом небольшой объем выборки, наличие общих временных тенденций в отдельных макроэкономических показателях и возможные ограничения спецификации моделей требуют осторожности при интерпретации оцененных коэффициентов.

Для дополнительной оценки статистических свойств моделей проведена диагностика мультиколлинеарности, гетероскедастичности и автокорреляции остатков. Также рассчитаны робастные стандартные ошибки HC1. Результаты диагностических проверок представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты диагностических тестов моделей множественной регрессии

Показатель	Модель 1	Модель 2
Максимальное значение VIF	2,32	2,317
Breusch-Pagan (p-value)	0,5394	0,4541
Durbin-Watson (DW)	1,641	1,481
Durbin-Watson (p-value)	0,0865	0,0412
Breusch-Godfrey (p-value)	0,815	0,8035
Робастные стандартные ошибки	HC1	HC1
Примечание: составлено авторами по результатам расчетов в RStudio.		

Результаты диагностических тестов свидетельствуют об отсутствии выраженной мультиколлинеарности в обеих моделях, поскольку максимальные значения VIF не превышают 2,32. Тест Бреуша-Пагана также не выявил статистически значимых признаков гетероскедастичности ($p > 0,05$). Вместе с тем результаты проверки автокорреляции оказались неоднозначными. В частности, тест Дарбина-Уотсона указывает на наличие положительной автокорреляции во второй модели на уровне значимости 5%, тогда как тест Бреуша-Годфри не подтверждает данный результат.

По мнению авторов, полученные результаты свидетельствуют о неоднозначном характере взаимосвязей между макроэкономическими показателями и уровнем бедности в Казахстане. Положительные коэффициенты реальных доходов, инвестиций и ВВП на душу населения позволяют предположить, что улучшение агрегированных экономических показателей не всегда сопровождается сокращением бедности. Подобная интерпретация согласуется с выводами Kudebayeva и Barrientos [6] о неравномерном распределении результатов экономического роста, а также с исследованием Kudebayeva [7], подчеркивающим значение устойчивости благосостояния домохозяйств. Вместе с тем выявленные статистические связи не доказывают указанные механизмы. Авторы считают, что дальнейшие исследования должны учитывать распределение доходов, отраслевую структуру инвестиций и региональные особенности бедности.

Заключение. В рамках данной статьи проведена эконометрическая оценка взаимосвязей между социально-экономическими факторами и уровнем бедности в Казахстане за 2010–2024 гг. На основе двух альтернативных моделей множественной регрессии установлено, что индекс реальных денежных доходов населения сохраняет положительную статистически значимую связь с уровнем бедности в обеих спецификациях. В первой модели статистически значимым фактором также выступили инвестиции в основной капитал, во второй модели ВВП на душу населения. Положительная связь безработицы с бедностью подтверждается только на уровне значимости 10%, тогда как влияние инфляции статистически не установлено.

Особого внимания заслуживают положительные коэффициенты реальных доходов, инвестиций и ВВП на душу населения, не соответствующие ожидаемому направлению взаимосвязей. По мнению авторов, полученные результаты могут отражать особенности распределения экономических выгод, структуру инвестиционной активности и различия между макроэкономическим ростом и благосостоянием малообеспеченных домохозяйств.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости комплексного подхода к оценке факторов бедности, учитывающего не только динамику экономических показателей, но и распределение результатов экономического развития. Перспективным направлением дальнейших исследований является расширение информационной базы за счет региональных данных, показателей неравенства доходов и государственных социальных расходов, что позволит более детально оценить механизмы формирования бедности в Казахстане.

Список литературы

1. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Статистика уровня жизни населения. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.gov.kz/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 12.09.2026).

2. Всемирный банк. Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan> (дата обращения: 12.09.2026).
3. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.undp.org/kazakhstan> (дата обращения: 12.09.2026).
4. Asadullah M. N., Savoia A. Poverty reduction during 1990-2013: Did Millennium Development Goals adoption and state capacity matter? // *World Development*. – 2018. – 105. – P.70-82. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.12.010.
5. Ata F. N., Alam S., Saeed N. The determinants of income distribution, an empirical analysis of developing countries // *Public Finance Quarterly*. – 2019. – Vol. 64, No. 4. – P. 494–510. – DOI: 10.35551/PFQ_2019_4_3.
6. Kudebayeva A., Barrientos A. A decade of poverty reduction in Kazakhstan 2001–2009: Growth and/or redistribution? // *Journal of International Development*. – 2017. – Vol. 29, No. 8. – P. 1166–1186. – DOI: 10.1002/jid.3278.
7. Kudebayeva A. Do the chronically poor have more interrupted spells of poverty in transition economies? Evidence from Kazakhstan // *Journal of Economic Research & Business Administration*. – 2019. – Vol. 129, No. 3. – P. 206–219. – DOI: 10.26577/be-2019-3-e18.
8. Sagindykova G. M., Serikbayeva S. G., Khassenova K. K., Demeuova G. K., Azhaipova I. Sh. Analysis of socio-economic factors affecting poverty in the regions of Kazakhstan // *Economy: Strategy and Practice*. – 2023. – Vol. 18, No. 3. – P. 189–206. – DOI: 10.51176/1997-9967-2023-3-189-206.
9. Khaustovich N. A. Assessment of poverty levels in Kazakhstan: The impact of cash income deficiency // *Economy: Strategy and Practice*. – 2025. – Vol. 20, No. 1. – P. 46–58. – DOI: 10.51176/1997-9967-2025-1-46-58.
10. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 12.09.2026).

References

1. Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. Statistika urovnya zhizni naseleniya [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Statistics on the standard of living of the population]. URL: <https://stat.gov.kz/industries/labor-and-income/stat-life/> (accessed: 12.09.2026) (In Russian).
2. World Bank. Kazakhstan. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/kazakhstan> (accessed: 12.09.2026).
3. United Nations Development Programme (UNDP). Kazakhstan. URL: <https://www.undp.org/kazakhstan> (accessed: 12.09.2026).
4. Asadullah M. N., Savoia A. POVERTY REDUCTION DURING 1990-2013: DID MILLENNIUM DEVELOPMENT GOALS ADOPTION AND STATE CAPACITY MATTER? *WORLD DEVELOPMENT*, 2018, 105, pp. 70-82. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.12.010.
5. Ata F. N., Alam S., Saeed N. The determinants of income distribution, an empirical analysis of developing countries. *Public Finance Quarterly*, 2019, 64(4), pp. 494–510. DOI: 10.35551/PFQ_2019_4_3.
6. Kudebayeva A., Barrientos A. A decade of poverty reduction in Kazakhstan 2001–2009: Growth and/or redistribution? *Journal of International Development*, 2017, 29(8), pp. 1166–1186. DOI: 10.1002/jid.3278.
7. Kudebayeva A. Do the chronically poor have more interrupted spells of poverty in transition economies? Evidence from Kazakhstan. *Journal of Economic Research & Business Administration*, 2019, 129(3), pp. 206–219. DOI: 10.26577/be-2019-3-e18.
8. Sagindykova G. M., Serikbayeva S. G., Khassenova K. K., Demeuova G. K., Azhaipova I. Sh. Analysis of socio-economic factors affecting poverty in the regions of Kazakhstan. *Economy: Strategy and Practice*, 2023, 18(3), pp. 189–206. DOI: 10.51176/1997-9967-2023-3-189-206.
9. Khaustovich N. A. Assessment of poverty levels in Kazakhstan: The impact of cash income deficiency. *Economy: Strategy and Practice*, 2025, 20(1), pp. 46–58. DOI: 10.51176/1997-9967-2025-1-46-58.
10. Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. Ofitsial'nyi sait [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The official website]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (accessed: 12.09.2026) (In Russian).

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕДЕЙЛІК ДЕҢГЕЙІНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ФАКТОРЛАРДЫҢ ӘСЕРІН БАҒАЛАУ: ЭКОНОМЕТРИКАЛЫҚ ТАЛДАУ

Б.Т. Нұғыманов, Л.С. Спанкулова*

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Түйін. Кедейлік мәселесі Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуындағы өзекті міндеттердің бірі болып қала береді және халықтың әл-ауқатының динамикасын айқындайтын факторларды кешенді бағалауды талап етеді. Зерттеудің мақсаты Қазақстандағы негізгі әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштер мен кедейлік деңгейі арасындағы статистикалық өзара байланыстарды анықтау болып табылады. Зерттеудің ақпараттық негізін Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросының 2010–2024 жылдар аралығындағы ресми статистикалық деректері құрады. Қойылған мақсатқа қол жеткізу үшін халықтың нақты ақшалай табыстарының индекcін, негізгі капиталға салынған инвестицияларды, инфляцияны, жұмыссыздық деңгейін және жан басына шаққандағы ЖІӨ-ні қамтитын көптік регрессияның екі баламалы моделі құрылды. Мультиколлинеарлыққа, гетероскедастикалыққа және қалдықтардың автокорреляциясына диагностикалық тексерулер жүргізіліп, робастты стандартты қателер есептелді. Зерттеу нәтижелері екі модельде де халықтың нақты ақшалай табыстарының индекcі мен кедейлік деңгейі арасында оң әрі статистикалық тұрғыдан маңызды байланыс бар екенін көрсетті. Бірінші модельде инвестициялармен, ал екінші модельде жан басына шаққандағы ЖІӨ-мен де статистикалық тұрғыдан маңызды байланыс анықталды. Инфляция мен кедейлік деңгейі арасындағы статистикалық тұрғыдан маңызды байланыс анықталмады. Алынған нәтижелер Қазақстандағы макроэкономикалық көрсеткіштер мен кедейлік арасындағы өзара байланыстар туралы эмпирикалық түсінікті кеңейтіп, халықтың әл-ауқатын арттыруға бағытталған шараларды әзірлеу барысында экономикалық және әлеуметтік факторларды кешенді түрде ескеру қажеттілігін көрсетеді.

Түйінді сөздер: кедейлік, халықтың нақты ақшалай табыстары, инвестициялар, жұмыссыздық, жан басына шаққандағы ЖІӨ, эконометрикалық талдау, көптік регрессия.

ASSESSING THE IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON POVERTY IN KAZAKHSTAN: AN ECONOMETRIC ANALYSIS

B.T. Nugymanov, L.S. Spankulova*

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Summary. Poverty remains one of the pressing challenges of Kazakhstan's socio-economic development, requiring a comprehensive assessment of the factors shaping changes in population welfare. The aim of this study is to identify statistical relationships between key socio-economic indicators and the poverty level in Kazakhstan. The analysis is based on official statistical data from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan for the period 2010–2024. To achieve the research objective, two alternative multiple regression models were estimated, incorporating the real monetary income index, fixed capital investment, inflation, unemployment, and GDP per capita. Diagnostic tests for multicollinearity, heteroskedasticity, and residual autocorrelation were conducted, and robust standard errors were calculated. The findings reveal a positive and statistically significant association between the real monetary income index and poverty in both models. A statistically significant association was also identified for investment in the first model and GDP per capita in the second model. Inflation did not demonstrate a statistically significant association with poverty. The findings contribute to the empirical understanding of the relationships between macroeconomic indicators and poverty in Kazakhstan and highlight the importance of comprehensively considering economic and social factors when developing measures aimed at improving population welfare.

Keywords: poverty, real household income, investment, unemployment, GDP per capita, econometric analysis, multiple regression.

Информация об авторах:

Нугыманов Берик Табылдиевич* – PhD докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: nugymanov_berik@live.kaznu.kz, ORCID ID: 0009-0000-8044-4610.

Спанкулова Лазат Сейтказиевна – доктор экономических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: liyazat.spankulova@kaznu.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-1865-4681.

Авторлар туралы ақпарат:

Нугыманов Берик Табылдиевич* – PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: nugymanov_berik@live.kaznu.kz, ORCID ID: 0009-0000-8044-4610.

Спанкулова Лазат Сейтказиевна – экономика ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: liyazat.spankulova@kaznu.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-1865-4681.

Information about the authors:

Berik T. Nugymanov* – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: nugymanov_berik@live.kaznu.kz, ORCID ID: 0009-0000-8044-4610.

Liyazat S. Spankulova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: liyazat.spankulova@kaznu.edu.kz, ORCID ID: 0000-0002-1865-4681.

Получено: 30.06.2026

Принято к рассмотрению: 21.07.2026

Доступно онлайн: 30.09.2026